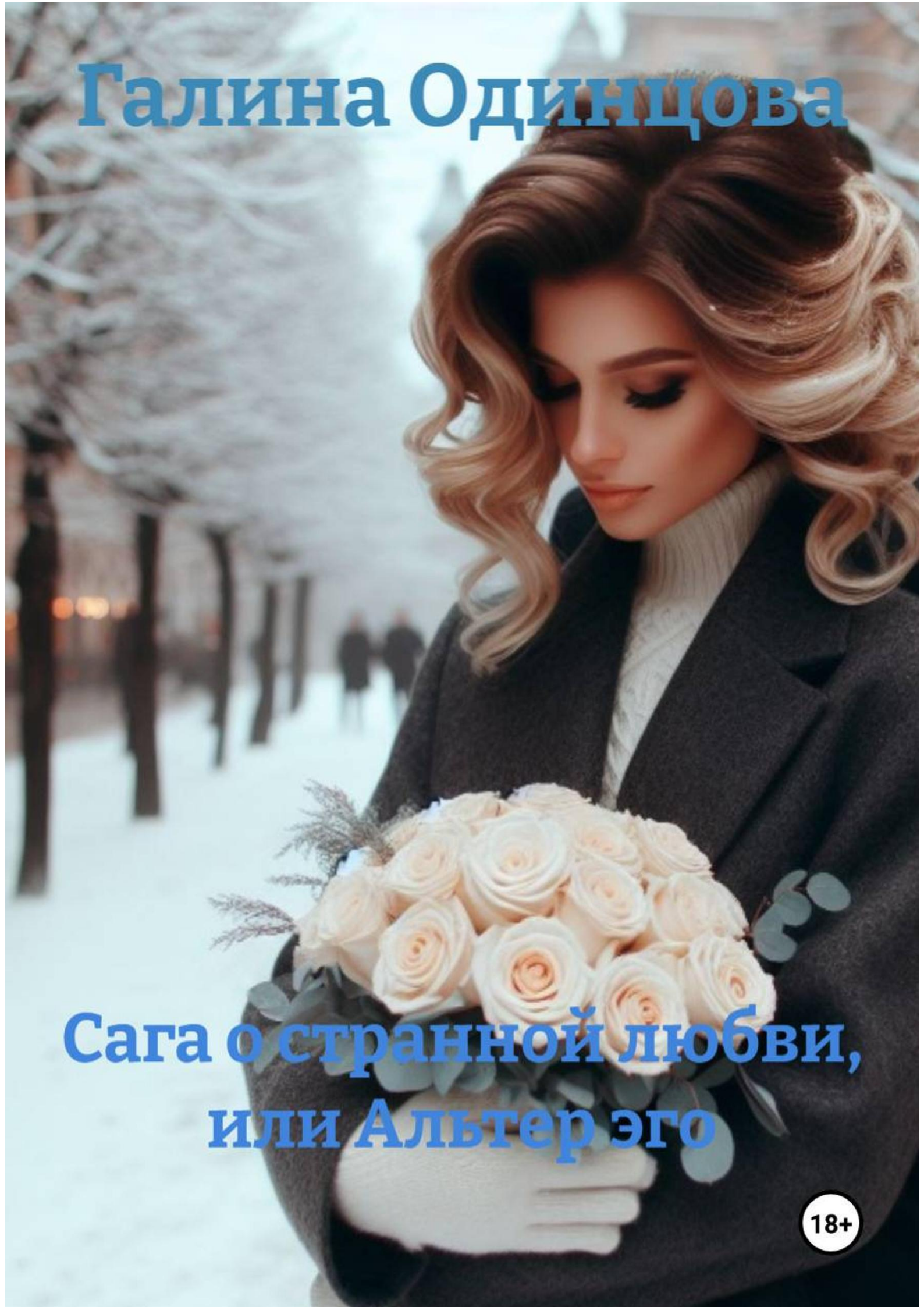

A woman with voluminous, wavy blonde hair is looking down at a large bouquet of white roses she is holding. She is wearing a dark grey coat over a white turtleneck sweater. The background is a snowy park with bare trees and a few blurred figures in the distance.

Галина Одинцова

**Сага о странной любви,
или Альтер эго**

18+

Галина Одинцова

**Сага о странной
любви, или Альтер эго**

«Автор»

2026

Одинцова Г.

Сага о странной любви, или Альтер эго / Г. Одинцова —
«Автор», 2026

Что, если судьба человека — это не выбор, а отражение эпохи? История одной жизни, расколота на «до» и «после», — на фоне бурных событий, изменивших судьбы миллионов советских людей. Радости и потери, обретения и разочарования, мимолётные вспышки счастья и долгие поиски любви — сквозь вихрь времени, которое не щадит никого. Эта книга — исповедь, в которой личная история становится зеркалом истории страны. Личная история на фоне великих потрясений. Жизнь, разделённая рубежами эпохи: надежды и утраты, взлёты и падения, встречи и расставания. Как сохранить любовь, когда мир вокруг меняется до неузнаваемости? Как удержать любовь, когда кажется, что всё против тебя? Исповедь женщины, которая прошла через испытания времени — и осталась собой. Книга о силе духа, вере и том, что действительно имеет значение.

© Одинцова Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог	6
Глава 1. Наши дни. Гела	8
Глава 2. 2024 год, поезд. Лиза	9
Глава 3. Наши дни. Гела	11
Глава 4. Благовещенск. 1986 год. Лиза	14
Глава 5. 1986 год. Николай	16
Глава 6. 1986 год. Генри	21
Глава 7. 1986 год. Отец	23
Глава 8. Наши дни. Гела	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сага о странной любви, или Альтер эго

Глава

Прошу обратить внимание, что в этой истории все совпадения случайны, герои и имена вымышлены, история выдумана от начала и до последней строки. (Г. Одинцова)

...Интересно, как сложилась бы моя судьба, если бы не события в стране, которые повлияли на судьбы многих советских людей. Меня они тоже не обошли стороной. Так случилось. Моя жизнь насыщена радостями и горем, потерями и новыми приобретениями. Не могу сказать, что прожила скучную однообразную жизнь. Конечно, были минуты счастья, если я правильно его понимаю. А вот любовь...

(Из дневника Лизы)

Пролог

2024 год, август. Поезд Санкт-Петербург — Москва

Я, конечно, не Гриффит Джойнер — куда мне до неё! — но мчалась вверх по эскалатору в метро сломя голову, так что ветер свистел в ушах. Только бы успеть! В одной руке — дорожная сумка, в другой — дамская.

Вокзал преодолела в том же бешеном темпе: виртуозно промчалась по перрону, никого не сбив с ног и даже не задев поклажей. Проводница зычно поторапливала опоздавших.

Шумно дыша, словно загнанная лошадка, я влетела в вагон и, открыв дверь в купе, тут же обрадовалась: буду ехать с попутчицей. Она сидела у окна и разговаривала по телефону — сообщала, что уже в поезде, и с нетерпением ждёт встречи.

Я поставила сумки на полку, вышла и тихонечко прикрыла дверь, чтобы не мешать. Опершись на поручень, стала смотреть в окно. На перроне царила суeta: поезд вот-вот отправится, опоздавшие неслись к своим вагонам, провожающие толпились напротив мутных окон, пытались прокричать последние напутствия.

Мне нравилась эта вокзальная неразбериха, нравилось наблюдать за настроением людей. Здесь и смех, и слёзы, и любовь — романтическая аура окутывала, увлекала, поглощала целиком. Послевкусие неповторимого шлейфа запахов и ощущений надолго оставалось в памяти.

Поезд дёрнулся, закрипели тормоза, и перрон начал плавно удаляться в сторону вокзала. Набирая скорость, состав помчался из Санкт-Петербурга в Москву. Я вернулась в купе. Попутчица улыбнулась мне:

— Можно просто — Лиза.

— Гела. Очень приятно.

Внезапно дверь с грохотом распахнулась: круглолицая проводница боком протиснулась внутрь купе и затараторила:

— Ваши билеты! Возьмите меню, сделайте сразу же заказ. За чай и кофе платите мне. Все вопросы и пожелания тоже ко мне. Устраивайтесь! Доброго пути!

Выходя из купе, она с таким же грохотом захлопнула дверь. Мы дружно рассмеялись — скованность и неловкость как рукой сняло. Дорога обещала стать короткой: в приятной компании время летит незаметно. Впереди — семь часов пути, в купе только мы, две попутчицы, и предвкушение приятного отдыха.

Через час из вагона ресторана принесли обед. Лиза достала бутылку красного вина:

— Вы не против?

— С удовольствием поддержу компанию. У меня тоже кое-что имеется, — я вытащила из сумки пакет с фруктами и овощами.

Мы не спеша потягивали вкусное вино, ели отбивную с макаронами и совсем не замечали времени.

— Да, Лиза, я часто путешествую, — продолжила я беседу. — У меня в «копилочке» хранятся разные истории, которые иногда превращаются в сюжеты моих книг. Остаётся немного пофантазировать, изменить имена, придумать финал.

— А почему финал придумываете вы, а не рассказчик? — поинтересовалась Лиза.

— Мой жизненный опыт подсказывает, что не бывает законченных историй. Они живут до тех пор, пока жив человек. Просто рассказчик ещё не знает, чем кончится его история. А я беру на себя смелость предсказывать.

— Странно Не думала об этом. Я тоже начала писать. Прослушала много писательских курсов. Пока пишу рассказы. Значит, не всё ещё потеряно. И есть чему учиться. Гела, а если вы ошибётесь, предсказывая?

— К сожалению, Лиза, я этого никогда не узнаю. Ведь истории мне рассказывают случайные попутчики. Вряд ли произойдёт ещё одна встреча — пока у меня такого не случилось.

Лиза отвернулась к окну — она делала это каждый раз, когда о чём-то задумывалась. Сейчас она была далеко: где-то там, в прошлом, в незнакомом и таинственном времени.

Я незаметно рассматривала попутчицу: на вид ей чуть больше шестидесяти: волосы стянуты в аккуратный узел, естественная седина не портила, а даже шла её красивому лицу. Лёгкий макияж, дорогие серьги с крупными топазами — всё это делало её образ особенно привлекательным. Внимательный взгляд, чуть заметная улыбка, умение слушать — всё располагало к беседе.

С ней было уютно, словно я знала её давным-давно. Но это было в другой жизни — не в моей нынешней — спешной и торопливой, где я вечно куда-то опаздываю, где вся жизнь проходит «на ходу».

— Извините, я немного задумалась, — прервала молчание Лиза.

— О чём вы сейчас думали, Лиза? Расскажите или это секрет? — спросила я.

— Секрета нет, — улыбнулась Лиза.

— Тогда поделитесь! Я очень любопытная — мне интересно всё! — я приготовилась слушать.

Это правда: я на самом деле любопытная особа. В путешествиях люблю слушать истории попутчиков — они всегда льются из души, правдивы и интересны. А мне, как писателю, только это и нужно.

— О любви я думаю О странной своей любви, — тихо произнесла Лиза и снова улыбнулась, но мне показалось, что за этой улыбкой спрятана печаль.

— Странной?.. Как это?

— Сама не до конца понимаю этого. Муж есть, и как будто его нет на самом деле. Ни тепла, ни ласки

Я попыталась направить разговор в непринуждённое русло, но быстро поняла, что моя собеседница вовсе не настроена веселиться. Она была сосредоточена, напряжена — словно готовилась к опасному прыжку. «Наверное, это прыжок в прошлое. Ох, как иногда страшно возвращаться туда

Сама порой гоню прочь печальные воспоминания», — подумала я, глядя на Лизу.

— Да, Гела, вы правы: есть и нет её, этой любви — грустно повторила она.

— Вы так честно об этом говорите. Редко кто решается вслух рассуждать о любви — тема такая тайная, интимная.

— Очень личная, вы правы. Я ношу её в себе долгие годы. Но почему-то призналась вам — и даже не боюсь в очередной раз обжечься, как обжигалась много раз из-за своей доверчивости. Странно

— Расскажите?

— О, это длинная история. В ней — несколько мгновений счастья и целая жизнь. Она очень личная. И ни один человек в мире не знает моего alter ego.

— Альтер эго? Как это понять?

— Я сама недавно узнала, как называется моё второе «я». Не скажу, что это была вторая жизнь — её не было. Но было что-то большее, необходимое мне

— Вторая жизнь? Это как? Вы говорите загадками.

— Я и сама ещё не разобралась в прошлом. Вся жизнь я прожила как в кипящей воде. Хотелось выпрыгнуть из этого котла, но я не смогла — или просто не захотела. Может, я лукавлю Не знаю, зачем обрекла себя на такие душевные муки

Глава 1. Наши дни. Гела

Долгое время после той встречи в поезде я не могла перестать думать о Лизе — её судьба не выходила из головы. Её повествование глубоко ранило душу и надолго выбило из привычного ритма жизни. Сейчас я работаю над романом. Лиза стала прототипом главной героини. Слушая искренний монолог попутчицы, я невольно проводила параллель между её историей и своей жизнью. Лиза неспешно рассказывала о пережитом так, будто вела меня вдоль невидимой линии, где единственной зафиксированной точкой был сегодняшний день — итог всех пережитых событий.

Лиза молчала, устремив взгляд в окно. Что она видела там, в скучном пейзаже? Струйки серого дождя ударялись в стекло вагона, рассыпались на мелкие капли и скатывались косым пунктиром вниз. За туманным окном уныло тянулся редкий мокрый лес, словно растворяясь в серости дня. Поезд ритмично покачивался, убаюкивая и располагая к откровенности.

Лиза снова заговорила.

Казалось, она уже не замечала меня, словно отсутствовала — я видела это по её отрешённому взгляду, слушала, боясь спугнуть её каким-то неосторожным движением. А она говорила и говорила, словно боялась оставить невысказанным что-то важное, годами копившееся в душе.

Для меня главное — не мешать собеседнику, стараться быть беспристрастной, забыть обо всех проблемах и полностью погрузиться в мир того, кто решился открыть душу.

Я часто задумываюсь: почему незнакомые люди так быстро сближаются в поезде? Почему доверяют случайному попутчику то, о чём никогда не рассказали бы даже самым близким? Какая неведомая сила сближает нас с людьми, о существовании которых ещё несколько часов назад мы не подозревали? Вероятно, монотонный стук колёс, размеренное покачивание вагона, смена пейзажей за окном располагают к откровенности.

Наши пути разойдутся на перроне в Москве, и мы никогда не увидимся. Возможно, наша душевная беседа вскоре забудется — такова человеческая психика. Но сейчас сейчас мы были в другом мире, оторванном от реальности.

Мы сидели друг напротив друга, готовые к долгому, искреннему разговору. Неожиданно у меня возникла ассоциация с коротким эпизодом из романа Фёдора Михайловича Достоевского «Идиот»: «В одном из вагонов третьего класса, с рассвета, очутились друг против друга, у самого окна, два пассажира — оба молодые люди, оба почти налегке, оба не щегольски одетые, оба с довольно замечательными физиономиями, и оба, пожелавшие, наконец, войти друг с другом в разговор. Если б они оба знали один про другого, чем они особенно в эту минуту замечательны, то, конечно, подивились бы, что случай так странно посадил их друг против друга в третьеклассном вагоне петербургско-варшавского поезда»

И наша встреча в «Вип-вагоне» в двухместном купе не случайна. Мы обе в настоящий момент переживаем что-то такое, что не закончится этим моментом встречи. Только мы об этом ещё не знаем как и в романе Достоевского об этом не знали молодые пассажиры.

Глава 2. 2024 год, поезд. Лиза

— Много лет назад, в 1986 году, по приказу главного редактора одной местной газеты я отправилась в Москву на курсы повышения квалификации, — начала Лиза неожиданно, не отрывая взгляда от окна. — Мне почти двадцать пять, а я впервые лечу на самолёте в столицу — из далёкого дальневосточного города! Страшно. Но так хотелось неизвестности, новых ощущений, что страх меня не останавливал. Давно устала от монотонности и унылого существования — нужны были хоть какие-то перемены.

Москва поначалу напугала: шумная, незнакомая, чужая. Толпы людей, огромные расстояния. Но я быстро освоилась и даже притворилась москвичкой. По совету опытной коллеги заселилась в недорогую гостиницу, а на второй день поехала в агентство по делам редакции. Неделя добросовестных занятий поглотила всё свободное время. Курсы подходили к концу — завтра домой. А я ещё нигде не побывала и ни в одну историю не влипла, а это бывает крайне редко. «Как же так? Со мной обязательно что-то случается». Я невезучая, понимаете? А тут такая тишина.

После занятий, уставшая и голодная, я вернулась в гостиницу, чтобы немного отдохнуть. В планах было посещение вечернего Арбата, Красной площади — не хотелось упустить такой возможности: я никогда там не была.

По пути в номер зашла в буфет. Убогое помещение с липкими пластиковыми столами и пыльной стеклянной витриной. Кроме бутербродов с засохшим сыром и заветренной варёной колбасой, на прилавке бледной горкой красовались варёные куриные яйца. Купила два и направилась в номер, еле передвигая ноги. Уже подумывала отказаться от предстоящей экскурсии.

Навстречу, вальяжно покачиваясь и что-то напевая, двигался солидный мужчина. На первый взгляд — обычный человек: пройдёшь мимо и не заметишь, если только локтем не заденет. Но вдруг он улыбнулся так, будто знал меня всю жизнь.

Я попыталась обойти незнакомца, но тот расставил руки в стороны и преградил путь.

— Девушка! Где же вы так долго ходите? Мы вас ждём-ждём!

— Вы меня с кем-то путаете. Извините, дайте пройти! — но он не сдвинулся с места.

— Да нет же! Я ни с кем вас не путаю! Просто приглашаю к нам в гости, — он показал рукой на дверь номера, за которой слышались смех и оживлённые разговоры.

— Мужчина, пропустите. Мне не до шуток. Я устала!

— Вот и отдохните. Вы в каком номере остановились? — он бесцеремонно взял меня за руку.

— Не ваше дело! — я выдернула руку, отодвинула мужчину в сторону и прошла к себе.

Не прошло и пятнадцати минут — в дверь постучали. На пороге стоял тот самый толстяк, всё с той же восхитительной улыбкой.

— А мы ждём вас!

Я попыталась закрыть дверь, но он слегка подпёр её плечом. — Пожалуйста, пойдёте! Если наша компания не понравится, уйдёте — честное слово! — он слегка склонил голову набок, сложил руки лодочкой и прижал их к груди, умоляя пойти с ним.

— Хорошо, — вздохнула я. — Только дайте мне сначала съесть яйца — ужасно хочу есть, понимаете?

— А нам как раз нужны яйца, чтобы положить на них икру! — тут же подхватил он. При слове «икра» защемило под ложечкой. М-м-м икра! Пришлось сдаться. Эх, была не была! Представляете, Гела, я повелась на икру!

— Значит, во всём виновата икра? Это она так изменила вашу жизнь? — пытаюсь снять напряжение.

Рассказчица заметно нервничала, и мне хотелось её подбодрить. Мы рассмеялись, выпили ещё вина.

— Гела, вы как в воду смотрите! Так и было, — подтвердила Лиза.

— И что же было дальше? Вам досталось яйцо с икрой?

— Да, конечно! Слушайте дальше, а то что-нибудь упущу. Там важно всё. Каждая мелочь в моей прошлой жизни играла свою роль и имела значение. И раз уж я начала этот рассказ, хочу изложить его до конца, не упустив никаких деталей. Они важны. Очень важны — в моей жизни каждая деталь имела значение.

— Хорошо. Извините, Лиза. Не буду больше перебивать вас.

Лиза вновь задумалась, грустно смотрела в окно, но я понимала, — она ничего там не видит. Взгляд её был устремлён вглубь себя, в прошлое.

— Ну вот Я пошла с этим настырным мужчиной. В комнате уже были гости. При виде меня им стало весело. Я отступила назад, хотела выскользнуть из номера.

— Нет, нет, не уходите! — тут же запротестовали все разом. — Эдик сказал, что всё равно приведёт вас. Он и нас то собрал по этажу, включив сврё обаяние! — наперебой говорили они. Меня усадили за стол.

Лиза помолчала несколько секунд и продолжила:

— Вот это праздник, Гела! Вы даже не представляете В то время, когда продукты в магазинах по талонам, здесь — деликатесы: икра, колбаса, рыба У меня забрали яйца, очистили и положили на них толстый слой икры. Одну половинку подали мне. Я боялась к ней притронуться. Но, видя, как все ведут себя свободно, наконец съела эту половинку яйца с икрой!

— Ура! Представляю, как вы были рады, что попали в эту компанию — я попыталась поддержать разговор.

Но Лиза, казалось, не услышала замечания. Она продолжала рассказ, погружаясь в воспоминания:

— Вдруг я ощутила на себе взгляд. Подняла глаза У окна стоял мужчина. Высокий, стройный, брюнет. Он смотрел на меня так пристально, будто пытался прочесть каждую мою сокровенную мысль, заглянуть в душу. Гела, это было похоже на магию! Его взгляд пригвоздил меня к месту, словно магнит, и я уже не могла отвести глаз от него ни на миг, ни на секунду. Словно невидимая, но крепкая нить протянулась между нами, и разорвать её было выше моих сил. Забыла, как дышать, не могла ни есть, ни пить Всё моё существо сковало неведомое чувство — смесь страха и восторга. Сердце колотилось где-то в горле, ладони стали влажными, а в голове навязчиво пульсировала одна-единственная мысль: «Зачем? Что он делает? Он смотрит только на меня» Гела, испытывали ли вы когда-нибудь подобное? Когда всё окружающее теряет очертания, когда весь мир сужается до одного-единственного всепоглощающего взгляда? Вы когда-нибудь чувствовали себя так? — Лиза в упор посмотрела на меня, ожидая ответа.

— Наверное Когда влюбилась в первый раз. Вроде было такое, — тихо ответила я.

— Вот! И я так же — обомлела и застыла. Впервые! Разве я понимала в ту минуту, чем обернётся эта случайная встреча в номере гостиницы, куда меня затянули почти силой? Разве могла знать, как этот день изменит всю мою жизнь.

Глава 3. Наши дни. Гела

Я слушала Лизу и отчётливо понимала, как непросто ей сейчас. Иногда прошлое беспощадно: пока его не тревожишь, оно лежит себе спокойно, словно добрая собака, посапывает где-то внутри души. Но стоит нечаянно задеть — оно может кардинально изменить настоящее, порой не в лучшую сторону.

В таких случаях говорят: «Не будите спящую собаку». «Let sleeping dogs lie» — эти слова принадлежат поэту Средневековья Джеффри Чосеру, и в наши дни к ним стоит прислушаться. Слушая попутчицу, я буквально чувствовала её душу, боль переживания, груз, который она столько лет несла в себе.

Внешность никогда не расскажет о человеке всей правды. Да и сам человек столько скрывает внутри, что порой устаёт носить этот груз. «Синдром попутчика» — странное, но спасительное явление. Не каждому по душе делиться сокровенным с незнакомцем, но именно такая откровенность порой помогает снять тяжесть пережитых страхов, горя и потерь. И в этом есть исцеляющая сила.

Мы расстались с Лизой как близкие подруги — с тёплым чувством в душе и пониманием, что больше никогда не увидимся. Но в моих руках оказалось нечто большее, чем просто её рассказ.

Я часто с теплотой вспоминаю наше путешествие и невольно задаюсь вопросами: как сложилась дальнейшая судьба женщины, назвавшей свою любовь «странной»? Случилось ли то, чего она так долго ждала, о чём мечтала долгие годы?

Прошёл почти год после нашей встречи. Сейчас я пишу книгу, и моя героиня во многом напоминает попутчицу. Я выбрала за основу её историю любви — необычную, сложную, противоречивую, полную надежд и разочарований.

Эрих Фромм, известный психоаналитик, в книге «Искусство любить» утверждает, что способность любить — признак зрелости. Любовь, по его мнению, — не случайное романтическое переживание и не сентиментальное чувство, доступное каждому. Фромм рассматривает любовь как искусство — тонкое, требующее мастерства и внутренней работы. И не каждому даётся этот дар.

Можно прожить в счастливом браке полвека и не осознать, что его счастье — заслуга одного человека, в которого можно погружаться, как в бездну, день за днём. Но не каждый умеет вовремя разглядеть и по-настоящему оценить партнёра. Порой мы слишком поздно понимаем, что рядом был тот, кто мог бы стать опорой на всю жизнь.

Иногда несбыточная мечта, фантазия, химера — если сказать одним словом — уводит нас из реального мира. Она отнимает силы и время, которые могли бы быть потрачены на то, чтобы найти счастье здесь и сейчас, а не витать в облаках.

«Странная любовь» — существует ли она на самом деле — или это лишь метафора, рождённая душевной болью моей героини? Возможно, это образ той любви, что живёт вопреки обстоятельствам: без гарантий, без ясности, но с глубокой внутренней верой в возможность счастья.

Ситуация неоднозначна — я не берусь судить. Что скажут об этом мои читатели, предугадать невозможно. Но я надеюсь, что их тронет искренность этой истории, её глубина и та тихая надежда, что, несмотря ни на что, продолжает жить в сердце.

Я находилась в глубоком замешательстве после рассказа Лизы. Мне было сложно скрыть растерянность и смущение — но я не имела права судить или осуждать. Это не в моих правилах. Её жизнь уже прожита, и если бы Лиза сама в ней разобралась до конца, ей не потре-

бывался бы человек, которому можно исповедаться, снять с души груз вины, что подспудно тяготил её все годы.

Лизе сама выбрала этот путь. «В каждой избушке свои погремушки», — вспоминались слова мудрой бабушки, которая на всякий жизненный случай имела собственное суждение. А ещё она говорила: «Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить. И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоём глазе не чувствуешь? Или как скажешь брату твоему: «Дай, я выну сучок из глаза твоего», а вот, в твоём глазе бревно?». Эти слова, внученька, произнёс Иисус Христос в Нагорной проповеди. Они содержатся в Евангелии от Матфея (глава 7, стихи 1–4)». Я с детства внимала словам своей бабушки. И с уважением отнеслась к рассказу Лизы.

Мы долго сидели молча, каждая погружённая в свои мысли. Я взяла Лизу за руку. Она подняла на меня глаза и улыбнулась очаровательной улыбкой:

— Спасибо вам, Гела, что дали возможность высказаться и не перебивали. Не осудили. Мне это нужно было сделать именно сегодня. И так совпало, что именно вы стали попутчицей. Когда вы вошли в купе, моё сердце сжалось — я поняла, что это хороший знак.

— Лиза, спасибо вам за доверие, — ответила я. — Сейчас я не стану комментировать ваш рассказ — я не имею на это права. Но обещаю: может быть, когда-нибудь я напишу роман, в котором будет счастливый финал. Думаю, он совпадёт с вашими желаниями и реальностью.

— Посмотрите, Гела, вот моя тетрадь, — Лиза достала из дорожной сумки пакет с толстой тетрадью, перехваченной широкой резинкой.

Страницы были исписаны мелким почерком, потрёпанные от времени уголки закучерявились, края слегка истрепались.

— Здесь вся моя жизнь. Обычно дневник хранится в сейфе, но сегодня взяла тетрадь с собой. Хотела перечитать кое-что в дороге, переосмыслить ценности и прошлое. А тут вы — Она сунула дневник в пакет и машинально убрала под подушку. — Вы даже не представляете, как я вам благодарна!

Поезд медленно приближался к Москве. В дверь купе заглянула проводница, протянула билеты:

— Подъезжаем! Через пять минут станция. Не забывайте вещи. Спасибо, что были с нами.

— Лиза, рада, что провела с вами весь день. Спасибо за приятное общение и за рассказ, — я обняла попутчицу.

— И вам спасибо, Гела, за то, что выслушали. Я словно в храме побывала. Ничего не происходит случайно — значит, так было нужно и мне, и вам. Может быть, моя история станет полезной читателям вашего будущего романа. Я тоже стала писать рассказы. Мечтаю написать роман. Но этот сюжет мне не под силу! — горько усмехнулась Лиза.

Поезд замедлил ход, скользя вдоль платформы. Встречающие заглядывали в окна, стараясь скорее увидеть близких. Мы вышли из купе и влились в поток пассажиров, направляющихся к выходу. Позади нас проводница зычным голосом напоминала:

— Не забывайте вещи, товарищи пассажиры! Выходя, проверьте купе!

Чуть поодаль, напротив выхода, не мешая толпе, стоял высокий седовласый мужчина с букетом белых роз. Он внимательно всматривался в выходящих пассажиров. Лиза попрощалась со мной, повернулась и замерла. Толпа рассеивалась, Лиза смотрела сторону мужчины и не двигалась. Он тоже стоял без движения, прижимая к груди цветы.

Лиза первая сделала шаг в его сторону. Мужчина сорвался с места навстречу. Они долго стояли друг против друга, как бы заново знакомясь и изучая родные, забытые черты. Я наблю-

дала за встречей людей, не видевшихся тринадцать лет. Мне некуда было спешить — и они не спешили, всё ещё стояли лицом к лицу и молчали, будто не могли наглядеться друг на друга после стольких лет разлуки.

Наконец он обнял Лизу, крепко прижал к груди. Поцеловал — долго и бережно. Отдал букет, забрал сумку, и они не спеша направились в сторону Ленинградского вокзала. Вскоре их фигуры затерялись в толпе.

— О, вы ещё здесь? — услышала я за спиной. — Кажется, в вашем купе нашла пакет. Сейчас принесу.

Через минуту проводница подала мне пакет Лизы — в нём лежал её дневник. Я схватила его и, забыв поблагодарить добрую женщину, бросилась вслед за Лизой и Генри — конечно, это был он! Генри, которого она любила странной любовью большую часть жизни.

Но мои поиски оказались тщетны: они исчезли бесследно. Дневник Лизы остался у меня.

Шло время. Долго не могла решиться снять с тетради тугую резинку и открыть её. Конечно, любопытство не давало покоя, ведь мы когда-то жили в одном городе, возможно ходили по одним улицам, любовались течением одной реки.

Лишь через год позволила себе использовать некоторые записи в романе. Конечно же, изменила имена и подчеркнула, что все совпадения случайны. Может быть, Лиза когда-нибудь прочтёт мой новый роман и поймёт, что её дневник — в надёжных руках.

Глава 4. Благовещенск. 1986 год. Лиза

После московских курсов Лиза словно потеряла себя: стала рассеянной, взгляд — отстранённым, а ответы — короткими и невпопад. Коллеги переглядывались, но никто не решился спросить напрямую: что с ней происходит?

— Лиза, что с вами? Вы сама не своя! — не выдержала Тамара Петровна, остановив её в коридоре. Лиза вздрогнула, будто очнулась от глубокого сна.

— Всё хорошо, Тамара Петровна, — тихо ответила она, избегая взгляда начальницы.

— Может, поделитесь со мной? Расскажите, что вас тревожит, — мягко настаивала Тамара Петровна. — Я ведь могу помочь.

— Просто думаю о докладе для конференции, — выдавила Лиза, нервно теребя край блузки. — Нужно многое успеть.

Тамара Петровна внимательно посмотрела на неё, вздохнула и отступила:

— Хорошо, тогда идите, работайте.

Она проводила Лизу взглядом и вздохнула. В последнее время девушка вела себя как-то не так: постоянно витала в облаках, переспрашивала, будто мысли её где-то далеко. «Не унесло бы в декрет, — мелькнуло в голове у Тамары Петровны. — И так работать некому»

Дома изменения в поведении Лизы тоже не остались незамеченными. Особенно усердствовал брат Герка — он то и дело цеплялся к ней, пытаясь вывести на разговор.

— Что, Лизка, вляпалась в историю, как всегда? — ехидно бросил он, когда сестра молча прошла мимо. — Ходишь, как мумия. Ты слышишь меня? Алё, сестра!

Но Лиза не реагировала. Она прошла к себе в комнату, включила кассетный магнитофон «Весна» и поставила песню ансамбля «Весёлые ребята»: «Люди встречаются, люди влюбляются, женятся»

Мелодия заполнила пространство, а Лиза замерла у окна, глядя вдаль.

— Точно, вляпалась во что-то! — Герка заглянул в дверь и громко позвал: — Мать, слышь, с Лизкой что-то не так. Как слетала в Москву, так и слетела с катушек!

— Герка, какое твоё дело? — вмешался отец, оторвавшись от газеты. — Не трогай её.

— А что, ты её защищаешь, ходок старый? — вмешалась мать. — Конечно, в Москве кто знает, чем она там занималась столько времени? Молчит же. Ничего не вытянешь из неё! Лизка, давай, рассказывай! Букетище дорогуций притащила, носа из него не высовывает. Одурила совсем!

— Подарили — тихо сказала Лиза, не оборачиваясь. — Что ж, я сама себе купила его, что ли?

Отец нахмурился и встал на защиту дочери:

— Кто бы ей дарил! Дурынде этой. Купила, конечно. У нас-то таких не продают. Вот и припёрла через всю страну диковину эту.

Мать махнула рукой и ушла на кухню, бормоча что-то себе под нос. Герка похихикал, но, не найдя поддержки, хлопнул дверью и ушёл из дома.

— Ушёл! — донёсся голос матери из кухни. Она вышла, вытирая руки кухонным полотенцем, и бросила вслед сыну: — Шляется где-то. Не может деваху найти себе нормальную. Какие-то все девки разболтанные пошли. Посмотришь — ни кожи, ни рожи!

Лиза не слышала этих слов. Она всё так же стояла у окна, слушая песню, которая теперь звучала в её голове даже без магнитофона. Мир вокруг казался далёким и нереальным, словно она находилась в другом измерении. Никто и ничто не могло вернуть её обратно — по крайней мере, пока.

Страница из дневника Лизы:

Когда мне было лет пятнадцать, в сердце впервые зародилось трепетное чувство — любовь к мальчику из параллельного класса. Звали его Юра, и казался он мне воплощением совершенства: золотистые волосы, лёгкая, как росчерк пера, улыбка, и эта его задумчивая привычка легонько поправлять очки.

Каждая перемена в школе превращалась в мучительное испытание: боялась столкнуться с ним взглядом, растеряться, и тогда весь мой мир рухнет. Заранее, за полчаса до уроков, я возникала на школьном крыльце, делая вид, что кого-то жду. На самом деле — ждала его. Едва он появлялся в дверях, я, словно тень, скользила следом, стараясь издали уловить его образ, запечатлеть в памяти.

Позже выяснилось, что он брат одноклассницы, Люды. И тогда родилась мысль: необходимо с ней подружиться. Так у меня появится предлог узнать о Юре больше. Люда, конечно, и не подозревала об истинных мотивах моего внезапного расположения.

Незадолго до новогодних праздников она пригласила всех на день рождения. Мама, как всегда, подошла к выбору подарка с присущей ей прагматичностью: достала с книжной полки книгу, завернула в газету и торжественно произнесла: «Книга — лучший подарок». Моё возмущение вырвалось наружу: «Мама, она же читанная! Как такое можно подарить?» «На ней, милая, написано, что она читанная? — невозмутимо парировала мама. — Нет. Вот и пусть её почитают — будет читанная».

Мне отчаянно хотелось попасть на этот праздник. Провести вечер за одним столом со старшеклассниками, а главное — оказаться рядом с Юрой. И тогда я решилась. Из шкатулки извлекла красные бусы — те самые, на которые копила деньги долгое время. Простые, стеклянные, но в моём тогдашнем воображении они обладали невероятной красотой. По пути к Люде сжимала их в ладони, и казалось, бусы обжигают кожу — так жалко было расставаться с ними, тем более дарить подруге, с которой была знакома всего ничего.

Люда, к моему удивлению, была в восторге. Бусы немедленно нацепила, и, вращаясь перед зеркалом, демонстрировала их, а остальные девочки восхищённо ахали. Другие подарки — книги, и читанные, и перечитанные до дыр, — так и остались лежать на столе.

Моё настроение взлетело до заоблачных высот но лишь до того момента, как Юра подошёл к сестре, провёл пальцем по моим бусам и с пренебрежительной усмешкой произнёс: «Фигня какая-то. Вот книжки — это да!» Он тут же схватил несколько томов и удалился к себе в комнату.

И в этот миг испарилась, улетучилась моя первая любовь. Разочарование было настолько острым, что вся прежняя магия Юры развеялась без следа. Я смотрела на его удаляющуюся спину, и горькая истина осенила меня: он мне больше не нравится. Совсем.

С тех пор не ношу бусы. И никогда не дарю книги. Только свои — те, что написала сама. И лишь тем, кого по-настоящему дорожу и люблю.

Вот такое воспоминание о первой любви. Вторая была ещё нелепее. Но, кажется, в этом деле мне просто не везёт. Или просто не умею любить так, как нужно?

Да и что такое любовь? Желание быть рядом с тем, кто относится к тебе с теплотой? А если он, подобно Юре, не замечает никого, его интересуют лишь те, с кем можно по-настоящему поговорить. А что интересного во мне? Внешность? Никто никогда не говорил мне, что я красивая. Даже родители ни разу не похвалили мою внешность. Да и вообще разве они когда-нибудь хвалили меня за что-то?

Глава 5. 1986 год. Николай

В субботу неугомонная Янка, словно заведённая игрушка, тянула Лизу в ресторан «Юбилейный». В те годы он слыл самым модным и людным местом: здесь была танцевальная площадка, играла отличная музыкальная группа — попасть сюда удавалось не каждому. Но для Янки место всегда находилось: она дружила с музыкантами, а к одному из них и вовсе питала тихое, безответное чувство.

Ещё одним притягательным магнитом для девушек были офицеры. Даже в гражданской одежде они выделялись среди местных кавалеров: строгая выправка и поведение сразу выдавали военную статью. Девушки задолго до выходных старались забронировать столики поближе к танцплощадке.

Ресторан примыкал к гостинице «Юбилейная», и гости Благовещенска с радостью проходили там вечера. А когда заведение закрывалось, все отправлялись гулять по набережной Амура — вдыхать прохладный речной воздух и любоваться темной гладью воды.

В те годы вдоль набережной регулярно патрулировали пограничники с собаками и оружием. Патрули ходили круглосуточно и сразу же замечали приезжих. На улицах даже в тёмное время суток было безопасно. Но это в общем понимании. Частные случаи хулиганства происходили нередко. Но можно было вызвать милицию по номеру 02 даже из телефона-автомата, которые были на каждом углу, и стражи порядка тут же примчатся.

Янка была живой, общительной, умела заразить всех прекрасным настроением — и все же никак не могла отыскать того самого, единственного. Почти каждый выходной она рвалась в ресторан, собирала подруг, хотела верить, что именно сегодня случится что-то важное. Лиза же совсем не разделяла этой тяги: шум, толпа, бесконечные танцы утомляли, и ей куда милее были тихие вечера дома или прогулки по набережной вдали от суеты.

Она отчаянно сопротивлялась, но подруга, подобно клещу, вцепилась в неё и не отступала. Пришлось уступить. К удивлению Лизы, даже мать поддержала настойчивую Янку:

— Давай, Янка, уводи её. Засиделась Лизка дома. Сидит, словно в омут головой нырнула, ни на что вокруг не реагирует. Как статуя из гипса — боишься прикоснуться, чтобы не рассыпалась. Довела себя до полусмерти, плачет по ночам.

В ресторане к Лизе подошёл выпивший парень. Он попытался завязать разговор, но Лиза отвечала невпопад. Однако молодой человек оказался настырным и продолжал попытку разговаривать собеседницу.

— Имя моё простое, запоминается легко, — шептал он на ухо Лизе во время танца, — Николай. Хотите повторить?

— Не хочу. Отстаньте от меня.

— Нет, не отстану. Никогда не отстану. Вот увидишь!

— Николай, не приставайте ко мне, — Лиза отстранила партнёра, так и не дождавшись конца танца, вернулась к столику.

— Ну ты, Лизка, даёшь! Мужика закадрила, а строишь из себя скромницу, глазки в пол опустила, — подруга зло бросила обидные слова. — За весь вечер меня, как заколдованную, никто не пригласил на медленный танец, а тебе выпала такая удача!

— Яна, отстань. Забери его к себе. Мне никто не нужен!

— Он не в моём вкусе! Мне нравятся другие. А ты не ври. Вижу, как ты смущаешься, скромница наша! — продолжала язвить Янка.

Сколько раз Лиза обещала себе, что больше не будет подчиняться подруге, научиться говорить «нет». Но как бы не так! Янка, словно смола, липла к ней, отодрать невозможно. Ей нравилось властвовать над податливой Лизой. А Лиза мечтала поскорее избавиться от всего, уехать подальше — из дома, из этого города, от этой прилипалы. Мечтала о другой жизни, о другом

мире. И этот мир внезапно открылся ей. Там, в Москве! Она и не подозревала, что существует иная жизнь, другие правила, другие отношения между людьми.

— Лизка, опять зависла, пошли танцевать. Отличная песня: «В свой вагон вошла она, улыбнулась из окна» Янка выскочила из-за стола и, не дожидаясь подруги, растворилась в кругу танцующих. Лиза же вновь погрузилась в мелодию. В её голове крутились только события, произошедшие там, в московской гостинице. Ничто другое её не волновало.

Николай не отставал от Лизы весь вечер. Пока Янка отплясывала твист, он садился на её место и пытался развеселить Лизу смешными анекдотами. Но Лиза не реагировала на попытки парня завоевать её. Не дожидаясь конца вечера, она махнула танцующей Янке и пошла домой. Николай всю дорогу шёл сзади, не говоря ни слова. Улица Шимановского была ухабистая, тёмная. Слева — мрачные бараки с тёмными дворами, справа — панельные дома, дорогу освещал только свет из окон. Лиза ускорила шаг, Николай не отставал. Таким образом он проводил её до подъезда, не говоря ни слова.

Дома, задёргивая шторы на окне, Лиза увидела Николая на лавочке перед подъездом: он долго курил, затем не спеша отправился восвояси. Лизе стало жаль этого парня, — она понимала, что ничего у неё с ним не получится, её мысли были заняты другим. И ей казалось, что это навсегда!

Родители, как и прежде, жили своей жизнью. Мать махнула на дочь рукой и теперь с головой ушла в сватовство для сына. Подбирала ему невесту, пытаясь вовлечь в это занятие и Лизу, но та категорически отказалась.

— Лахудра ты, лахудра! Ничего тебя не интересует! Ты можешь хотя бы раз пройтись с матерью по улице? Мы просто пройдем мимо них и посмотрим, что за девушка придёт на свидание. Это же можно сделать ради брата?

— Мама, брат армию отслужил! Он взрослый человек. Отпусти его.

— Ты думаешь только о себе! У самой в жизни ничего не сложилось бессовестная. Так давай Герке поможем, скорее женить его надо, пока совсем не загулял.

— Мама, если суждено ему гулять, то и в браке будет гулять. Отпусти. Пусть делает, что хочет.

— Дура ты, Лизка! О себе только и думаешь! Не ожидала, что такой вырастешь. Совсем мать не считаешь!

— Мама! Ну зачем ты так! Да пойду я с тобой, пойду. Давай не будем снова ссориться.

Лиза не выносила материнских слёз. Они рвали её сердце на части. Она помнила их с самого детства! Ссоры, драки, разводы с отцом — всё это так глубоко засело в душу, что при каждом удобном случае напоминало о прошлом.

Лиза давно никуда не ходила с мамой. Последний раз это было в далёком детстве. Мама держала её за руку, а Лиза бежала рядом, подпрыгивая. Была весна, цвела черёмуха. Лиза помнила этот сладко-горький аромат. Ветерок ласково дул в лицо, а юбка-клёш взлетала так высоко, что она едва успевала придерживать её свободной рукой. Лиза громко смеялась, её смех, словно трель колокольчика, уносился ветром.

Мама тоже смеялась, как девочка. Потом они бежали наперегонки. Лиза обогнала маму. Мама догнала дочь, подняла на руки и долго-долго кружила. Поставила Лизу на землю и они стояли, взявшись за руки, ожидая, когда перестанет кружиться голова. Она помнила эти счастливые минуты. Больше такого не было. Никогда.

Сейчас мама и дочь шли рядом и молчали. Лиза вдруг поняла, что совершенно не умеет разговаривать с матерью. Не умеет расспросить её о здоровье, о проблемах и радостях. Не умеет рассказывать ей о себе! Хотя бы о том, что произошло в Москве. И что она каждую минуту думает об этом.

Мать целеустремлённо шла к месту свидания брата с очередной потенциальной невестой. Все предыдущие кандидатки были напрочь забракованы. Лиза кое-как поспевала за ней.

— Мам, ну куда ты так спешишь? Вон, Герка идёт неспешно, не торопится к своей даме. Пусть сам выбирает. Ему же жить, — начала рассуждать Лиза, но не успела договорить.

— Что ты понимаешь, лахудра! Герка — тюфяк. Завертит его деваха с характером, он и не пикнет! — кипела мать, покрасневшись.

— Ага, как ты отца. Тоже бежал из дома, да убежать так и не смог, — тихо произнесла Лиза.

— Ах ты, дрянь! — мать замахнулась на дочь.

Лиза ловко увернулась от пощёчины. Обида всколыхнулась внутри и сдавила грудь. Эта боль снова стала невыносимой. Она глубоко вдохнула, пытаясь взять себя в руки. Оглянувшись, увидела, что мама уже далеко впереди — боялась пропустить свидание брата с незнакомкой у ворот Дома офицеров Советской Армии.

Лиза плелась следом. Ей совершенно не хотелось нового скандала. Она шла и вспоминала случай, произошедший много лет назад. Брат увидел в дневнике сестры двойку и рассказал об этом матери. А в тот день они собирались в гости. Лиза очень хотела попасть на день рождения к двоюродной сестре. Но двойка в дневнике за плохо рассказанный стих сделала своё мерзкое дело.

— Лиза, ты остаёшься дома! Будешь учить стихотворение, а мы берём только Геру! Герка, ко мне!

— Мам, я выучу! Честно-честно — рыдала Лиза.

— Нет, я сказала! Герман, собирайся, — брат победно посмотрел на Лизу, показав язык.

Лиза смотрела, как они уходят, и не верила глазам! А брат в это время злорадствовал и корчил сестре рожицы. Весь вечер она проплакала. Когда услышала, что семья возвращается, легла на кровать, отвернулась к стене и затаилась. Весь вечер ждала, что мама подойдёт, укроет её одеялом, ведь в комнате было прохладно; погладит по головке, поцелует. Но ничего этого не случилось. Лиза слышала, как брат восхищался вкусным тортом, как они с мамой обсуждали игры, которые подготовила именинница. О Лизе в этот вечер никто не вспомнил!

Этот комок обиды до сих пор сидит в горле, как кость. И его невозможно проглотить! Как только что-то идёт не так, он тут как тут — этот острый сгусток душевной боли. И сейчас она чувствовала то же самое. Душевная боль не утихала, никуда не девалась. Она просто затихла на время. Лиза шла следом за матерью, и в душе её не было ненависти. Только жалость. Жалость к близкому человеку.

Страница из дневника Лизы:

Однажды я пришла из школы раньше. Входная дверь была открыта. Пока снимала пальто, услышала разговор брата и матери:

— Вот она дура, смотри, что написала, читай, читай, мам: «Я благодарна врачам, которые спасли мою маму! А когда вырасту, тоже стану врачом» Представляешь, мам, наша Лизка — врач! Ха-ха-ха!

Накануне в школе писали сочинение на свободную тему. Маму недавно выписали из больницы. Я очень переживала, пока дождалась её домой. В сочинении рассказала о своих чувствах. Брат взял тетрадь с этакжерки, прочитал сочинение, отнёс маме, и вместе с ней стал смеяться над его содержанием. Громко, ехидно, с ядом в голосе. Я опустила на стул, который стоял тут же, в прихожей. Ноги налились свинцом, я не могла даже шелохнуться, не было сил пройти в кухню, забрать тетрадь и дать пощёчину язвительному брату.

Вместо этого я сидела неподвижно, меня сковало так, что заныли плечи, спина, опустились руки. А из кухни слышался смех и громкое обсуждение эмоционального сочинения, в котором я писала, как скучала по маме, как ждала её из больницы, о врачах, которые сумели вырвать мать из лап смерти. Ведь мама на самом деле была на краю.

Лиза часто вспоминает школьные годы. Ничего хорошего не было и там. В классе она мало с кем общалась, старалась быть незаметной. Предметы давались с трудом.

— Лиза, опять спишь на уроке! Повтори вопрос!

— Извините, я отвлеклась!

— Отвлеклась она! Кто повторит специально для сонной красавицы? Никто? Девятков! Сядь ровно, под партой вопрос не написан! Ну! Петрова!

— М-м-м угарный газ и кислород. В чём разница?

— Садись, два! Кабанов! Что быстрее, угарный газ или кислород. Так что быстрее? Угарный газ или кислород, Кабанов?

— Я читал! Там всё зависит от веса и скорости!

— Что именно? Молчишь? Садись, два. Повторяю вопрос: почему угарный газ быстрее проникает в организм, чем кислород? Во сколько раз скорость его проникновения больше, чем скорость проникновения кислорода?

— Лиза, отвечай!

— Меня не было на том уроке!

— Тебя и на этом нет, Мартова! Садись, два!

— Ну и ладно.

— Не ладно! А плохо, Мартова! Повторяю! Открывайте тетради, пишем! И Кабанов пишет тоже! Скорость молекул угарного газа больше, чем скорость молекул кислорода, так как при одинаковой температуре их средние кинетические энергии равны, а масса молекул кислорода больше, чем масса молекул угарного газа.

Лиза пыталась записывать за учителем, но у неё ничего не получалось: буквы расплывались перед глазами, двоились и не укладывались в строки. А тут ещё и непрошенные слёзы! Самая тяжёлая сорвалась со щеки и шлёпнулась на ненавистный текст. Лиза размазала её пальцем, подолом фартука вытерла лицо и смахнула влагу со страницы. Посмотрела по сторонам, но никто из одноклассников не обращал на неё внимания; все были заняты своими делами, кто чем, только не уроком!

— Лиза, опять дома что-то не так?

— Да надоели!

— Пойдёшь на танцы? Валерий Петрович сказал, что новый танец учить начнём.

— Пойду, за хитом зайду только домой!

Дома никого. Лиза бросила в прихожей портфель, прошла в кухню. На плите одинокая кастрюля с холодной отварной картошкой в мундирах. Значит, варил отец. Лиза достала картофелину, посолила и, не садясь за стол, проглотила вместе с кожурой, практически не разжёвывая. Запила водой из носика чайника.

В семье так делали все: отец и младший брат пили воду из носика чайника. В стаканы наливали только кипятки. Всей семьёй чай пили редко. Такой традиции в семье давно уже не было. Мама имела свой стакан и всегда убирала его в шкаф. Из него пила только она. Каждый сам по себе. И обедов праздничных тоже давно не было.

Это возобновилось намного позже, когда Лиза вышла замуж и стала приезжать в гости к родителям с мужем. Вот тогда стали накрывать стол, приглашать гостей. А пока у родителей был период, когда им было не до семейных традиций и праздников. Они строили любовь, так говорят в современном мире. А тогда — борьба за мужа.

Лиза сняла школьную форму, бросила на спинку кровати, надела юбку, свитер и села на кровать. В комнате, кроме кровати с металлическими спинками и упругой сеткой, была этажерка, сколоченная отцом из неотёсанных досок. На ней аккуратными стопками лежали книги, журналы, альбом с фотографиями. Это был личный уголок Лизы, её мир, который она очень любила. Погружаясь в содержание книг, забывала обо всём. Она жила там, в неведомых ей мирах, она стремилась побывать там, хотя бы в мечтах. И мечтала, мечтала, мечтала. И так хотелось обо всём рассказать маме. Чтобы она поняла, дала совет, научила. Но такой близости и доверия не было никогда.

Страница из дневника Лизы:

В тот день я взглянула на мать, и вдруг озарение пронзило меня: она ведь ещё молода! И прекрасна! Ей подвластны флирт, мужское внимание, жизнь, полная удовольствий, а не бесконечные муки из-за отца и брата, вечно колеблющегося на жизненном перепутье.

Отчего же я обрекла её в своих глазах на старость? Причём, давно! А ведь им тогда едва исполнилось по сорок пять. Свадьба их гремела, когда им и двадцати не минуло. И все эти годы они терзали друг друга.

Почему же не расстались? Не даровали друг другу свободы? Из-за нас, детей? Но разве детям от этого лучше? Неужто они дарили нам свободу души и тела? Нет. Ничего этого я не получила ни в детстве, ни в юности.

И вот, даже теперь, по прошествии лет, когда я старше их, а их земной путь почти окончен, они всё ещё держат меня, не отпускают

Возможно, это оттого, что я уделяла им так мало времени, что так и не смогла до конца постичь родителей? Что-то ускользнуло от моего взгляда, чего-то я не разглядела. И это чувство вины не утихает, или я сама, сознательно, держу его в плену. Просто привычка — терзать себя.

Глава 6. 1986 год. Генри

«В который раз перечитываю творение Александра Островского Гроза. Как же удивительно, что сколько бы классику ни читал, каждый раз она раскрывается совершенно по-новому, иначе! Всплывают детали, доселе невидимые, глубже проникаешь в диалоги персонажей, иначе постигаешь замысел мастера». — Лиза отложила книгу. Несколько мгновений она блуждала в мыслях, погружённая в прочитанное. «В школе я терпеть не могла пьесы. Сухо, скучно, сложно. А теперь перечитываю с искренним удовольствием. Чудеса»

Её размышления прервал отец. Он принёс в комнату телефонный аппарат.

— Дочка, тебя к телефону, — прошептал он, протягивая трубку. Уходя, неосторожно зацепил длинный провод, чуть не упал, что-то тихо буркнул себе под нос.

— Спасибо, папа. Аккуратнее. Помочь? — с беспокойством спросила Лиза, кладя трубку на стол. — Нет-нет, милая, всё в порядке!

Отец вышел, тихо прикрыв дверь. Лиза поднесла трубку к уху:

— Алло, слушаю вас. Говорите.

— Здравствуйте!

И в тот же миг Лиза провалилась в бездну. На неё обрушился жар, словно тонна кипящей лавы хлынула разом. Раскалённая, всепроникающая стихия охватила каждую клеточку её измученного ожиданием организма. Тело перестало ощущаться, трубка, казалось, вот-вот выскользнет из ослабевших пальцев.

— Д-да, здр-здравствуйте...

— Вы можете говорить?

— Я я не 3-3-знаю Можете перезвонить через пять минут?

— Конечно. Я перезвоню. Через семь. Я дам вам время немного прийти в себя, Лиза.

В трубке взорвался звук частых гудков. Лизе стало дурно!

— Что я наделала! Дура, дура! Зачем я попросила перезвонить! Зачем?!

Она вскочила, распахнула дверь.

— Уже поговорила, дочка? Кто это был? — отец отвлётся от экрана телевизора.

— Да, так, по делу. Должны ещё позвонить.

— А ты почему такая красная? Не заболела? Померь температуру.

— Нет, папа, всё хорошо. Мама где?

— С Геркой опять куда-то рванули. Бесплезным делом заняты. Мать совсем с катушек слетела — отец махнул рукой и вернулся к новостям.

— Папа, не волнуйся, отдыхай! Пусть делают, что хотят.

— Да, я уже пойду спать. Устал.

Лиза бросилась на кухню, налила стакан воды из-под крана. Осушила пахнущее хлоркой содержимое одним глотком, вернулась в комнату. Села напротив телефона и замерла в ожидании. В ожидании голоса, который свёл её с ума. Голоса, который не давал покоя уже больше месяца. Она почти перестала верить, что вновь услышит этот бархатный, низкий альт, своё имя, слетающее с его губ так просто и тепло. Время казалось бесконечным. Его привкус был горьким, вызывал жажду, но Лиза боялась отвлечься даже на миг. Во рту пересохло до предела. И она рискнула. Семимильными шагами ринулась на кухню. Из спальни выглянул отец.

— Что случилось? Ты что так топаешь, словно обезумевшая лошадь!

— Папа, отдыхай! — взвизгнула Лиза. — В горле запершило.

Ещё раз налила воду в гранёный стакан и, расплёскивая, понеслась к себе. Дыхание сбилось, словно она только что закончила спринтерский забег. Взглянула на часы. Прошло всего четыре минуты. Три минуты! Ещё три минуты! Как их прожить? Зачем она отложила этот разговор?

Трель звонка взнесла её в небеса. Лиза подпрыгнула так, что чуть не смахнула телефонный аппарат со стола. И вновь — сухость в горле, голос пропал. Лиза сделала глоток, поперхнулась. А телефон всё звонил!

— Трубку возьми, Лизка! Что глаза выпучила? Трубку возьми, трещит, нервы мотает! — отец ворвался в её комнату, и тут же исчез, хлопнув дверью.

— Алло — хрипло произнесла Лиза короткое слово, пытаясь обрести самообладание.

— Здравствуй, дорогая. Ты меня узнала?

— Да — прошептала она. И снова её понесло в небеса. Тёплая волна воспоминаний прокатилась по телу. — Это вы?

Он рассмеялся в трубку. Смехом густым, сладким, словно мёд. И она уже видела его взгляд, огромные карие глаза, настолько тёмные, что они казались чёрными, бездонными маслинами. И сейчас тонет в этой бездне и совсем не хочет выбираться из этого омута.

— Да, это я, дорогая. Лиза, рассказывай, как ты жила всё это время, пока я скучал по тебе?..

В ту ночь Лиза почти не сомкнула глаз — каждый миг растягивался в вечность, а время, казалось, вязло в тяжёлом воздухе комнаты. Она не помнила, о чём говорила сама, что отвечал он: слова растворились, как дым, оставив после себя лишь эхо — мелодию его тембра. Оно звучало и звучало в голове, то затихая до шёпота, то вспыхивая с новой силой, будто пытаясь что-то напомнить, что-то досказать.

Лиза достала дневник — её тайный свидетель и исповедник. Строки ложились на бумагу неровно, судорожно, словно отражая трепетание души. Она зачёркивала одно, писала другое, снова зачёркивала — будто пыталась поймать неуловимое чувство, облечь его в слова и одновременно боялась сделать это окончательно.

Слёзы катились по щекам, падая на страницу, размывая чернила и оставляя бледные пятна — как следы невысказанных признаний. Лиза вытирала их ладонью, но они всё равно проступали снова, горячие и упрямые, размазывая строки, превращая записи в путаницу линий и символов.

Под утро, когда за окном брезжил тусклый рассвет, она захлопнула тетрадь с тихим, почти болезненным щелчком. Руки дрожали, пока она натягивала резинку на пухлую тетрадь — ту, что уже хранила столько её тайн. На мгновение Лиза замерла, прижав дневник к груди, словно пытаясь впитать обратно всё, что в нём записано. Затем, чуть помедлив, спрятала его под матрас — туда, где он будет ждать следующего порыва чувств, следующего бессонного вечера, следующего отчаянного поиска ответов.

Глава 7. 1986 год. Отец

Лизе часто снятся сны, уносящие глубоко в детство — туда, где время текло медленнее, а мир казался одновременно огромным и уютным. Какие-то события, давно похороненные в памяти, вдруг всплывают из темноты, начинают волновать, тревожить, беречь душу, будто незажившая рана.

Вот и сегодня ей снился сюжет из детства: родители были счастливы, звучала музыка, и Лиза разрезала огромный торт. Привкус сладкого бисквита и аромат пряной ванили ещё оставался в памяти, и эти ощущения послевкусия всколыхнули давно забытые картины.

Лиза лежала в темноте, вслушиваясь в тишину ночи, и перебирала каждую нотку сна, словно бусины на нитке. Бабушка умела разгадывать сны — говорила, что в них скрыты под- сказки судьбы. Но Лиза никогда не пыталась их расшифровывать. Она просто переживала их заново, воскрешала в памяти мельчайшие детали, позволяя прошлому на мгновение стать настоящим.

Каждую весну, в день рождения, отец дарил ей букетик свежих колокольчиков молочного цвета. Он сам ходил собирать их за город в лес, где цветы росли на солнечных полянках, укры- тых мягкой травой. Колокольчики покачивались на тонких, как ниточка, стебельках, источая умопомрачительный аромат — такой чистый и звонкий, будто сама весна решила оставить Лизе частичку себя.

Девочка любила разглядывать каждый цветочек, шептать ему что-то ласковое, уговари- вать пожить подольше, сохранить эту хрупкую красоту. Но время шло, колокольчики посте- пенно увядали, их лепестки теряли свежесть, а аромат становился всё слабее и слабее. Двена- дцатилетняя Лиза, глядя на увядающие цветы, не могла сдерживать слёз:

— Почему счастье так быстро кончается? Почему эти цветы так коротко живут? Я нена- вижу их! Они бросают меня, они меня не любят...

— Доченька, — успокаивала её мама, осторожно забирая увядший букетик из рук дочери, — всё в этой жизни имеет свой конец. Научись воспринимать это достойно. Будь силь- ной, моя дорогая.

Но упрямая Лиза, вытерев слёзы, уже с нетерпением ждала следующей весны. Её душа, несмотря ни на что, была готова вновь вдохнуть этот волшебный аромат. В ней жило смутное предчувствие: что-то новое обязательно придёт, только она пока не могла назвать это чувство словом...

Она знала: накануне дня рождения в доме царил особая атмосфера. Родители не ссори- лись, мама не сердилась на отца, а папа делал всё, чтобы дочь была счастлива.

В тот день, когда Лизе исполнилось четырнадцать, она проснулась с необыкновенным чувством. Мама хлопотала на кухне, из-за двери доносился запах свежей выпечки. Лиза сидела перед зеркалом, внимательно рассматривала отражение и искала в себе перемены — то ли в чертах лица, то ли во взгляде. Брат, как всегда, дразнил её, корчил рожицы, получал шуточный шлепок и тут же бежал жаловаться маме.

Накануне папа сказал, что у неё начался переходный возраст.

— Пора относиться к себе не как к малолетке, а как ко взрослой девушке, — серьёзно говорил он. — Нужно ухаживать за руками, ножками, личиком. Всё должно быть прекрасно в девушке, нельзя быть неряхой и грязнулей.

Брат хихикал, а мама прижимала его к себе и целовала в макушку.

— А ты помнишь, дорогой, — вдруг сказала мама, — какой букетик ты мне принёс на первое свидание? В тот год ландыши были особенно крупными и душистыми. Я засушила тот первый букет! Завтра покажу! Это мой секрет!

Папа нежно поцеловал маму, осыпал её комплиментами, а потом вдруг развеселился, подскочил к старому проигрывателю. Шустро перебрал потрёпанные конверты с пластинками, наконец нашёл нужную и поставил её. После короткого шипения зазвучала мелодия. Гелена Великанова звонким, полным оптимизма голосом запела:

Ты сегодня мне принёс
Не букет из пышных роз,
Не тюльпаны и не лилии,
Протянул мне робко ты
Очень скромные цветы,
Но они такие милые.
Ландыши, ландыши,
Светлого мая привет.
Ландыши, ландыши,
Белый букет...

— Девчонки! Открывайте шампанское! — пританцовывая, закричал папа.

Мама бросилась на кухню, принесла три стакана и бутылку шампанского. Гера тут же прибежал со своей кружкой — мама налила ему шипящего лимонада. Лиза с родителями пили пенистое шампанское, причём Лизе наливали «всего три капли — для запаха», как кричал папа. Закусывали горькой шоколадкой и танцевали под песню о ландышах. Лиза прыгала от счастья, висла на родителях — с другой стороны цеплялся брат, а родители неустанно целовались и смотрели друг другу в глаза с такой нежностью, что сердце замирало.

А утром, в день рождения, раздался звонок в дверь.

— Это папа! С ландышами! — воскликнула Лиза и бросилась к двери.

Папа вошёл как-то странно, криво. Он прижался к стене и медленно съехал на пол.

— Там... — прошептал он, задыхаясь. — Защитники природы... Отобрали... И палкой... По голове...

Мама кинулась звонить в «скорую». Лиза опустилась рядом, осторожно придерживала папу за голову и плакала, не в силах остановиться. Вдруг папа разжал кулак — из него выпали три стебелька ландышей. Они были сильно измяты, лепестки потеряли форму и из молочно-белых превратились в серо-прозрачные.

Папа пах весенним лесом, а его ладони всё ещё хранили аромат ландышей. Лиза подняла цветы и прижала их к лицу. Нежный, едва уловимый аромат умирающих цветов упрямо пробивался сквозь боль и страх, одурманивал, напоминал о чём-то светлом.

— Доченька... С днѐ... — тихо произнёс папа.

Два месяца папа лежал в больнице. Дом словно вымер: в комнатах повисла гробовая тишина, тяжёлые шторы не пропускали солнечный свет, а голоса в семье будто растворились. Никто ни с кем не хотел говорить — ни о чём, ни о больном, ни о будущем. Все словно замерли в ожидании, затаили дыхание, пока папа не вернулся домой.

Постепенно жизнь начала налаживаться: снова зазвучали голоса, заскрипели половицы под шагами, зашумели кастрюли на кухне. Но вместе с движением в дом ворвались и другие звуки — резкие слова, хлопанье дверей, напряжённые паузы.

Скандалы стали частыми гостями, суэта заполнила пространство, а родителей всё сильнее поглощали их личные отношения — с каждым годом трещина между ними становилась глубже, шире, заметнее.

Семья переехала в Благовещенск. Здесь уже не было леса под боком, не было тех полянок, где когда-то росли ландыши. Папа забыл давнюю традицию — дарить дочери цветы в день рождения.

Лиза могла лишь изредка доставать из старой книги три сухих стебелька — жалкие останки того самого букета. Она бережно разворачивала их, разглядывала хрупкие лепестки,

но вместо радости они вызывали лишь слёзы — горькое напоминание о том, что ушло безвозвратно.

Лиза лежала в темноте, уставившись в потолок, и заново проживала подробности сна. Он был таким реальным, таким осязаемым, будто она действительно побывала там — в детстве, где пахло весной, где папа улыбался, а мама смеялась. Во сне она даже почувствовала этот сладкий, одурманивающий аромат ландышей — такой знакомый, такой родной.

«К чему этот сон? — думала Лиза, чувствуя, как в груди сжимается тугой комок. — Куда делась та любовь, та идиллия, что царила в нашей семье совсем недавно? Прошло каких-то десять лет — и нет той семьи, нет тех тёплых взглядов, нет той нежности между родителями. Всё провалилось в бездну, безвозвратно, как камень в воду, оставив лишь круги на поверхности...»

Она закрыла глаза, пытаясь удержать образ счастливого прошлого, но он ускользал, растворялся в настоящем. В голове сами собой возникали тревожные вопросы.

«Неужели и в моей семье будет так? — с болью думала Лиза. — Любовь, такая яркая и живая, постепенно сменится привычкой — тусклой, будничной, лишённой огня. Привычка обернётся равнодушием, равнодушие — холодной неприязнью... И всё рухнет, рассыплется, как картонный домик от лёгкого дуновения ветра, оставив после себя лишь пыль и пустоту. А от былой любви, от того тепла, что когда-то согревало сердце, останутся лишь сухие стебельки ландыша в старой книге — хрупкие, ломкие, почти невесомые. Как символ того, что когда-то дышало, цвело, а теперь — лишь память».

Страница из дневника Лизы:

... Я изо всех сил гоню от себя мрачные мысли, будто отбрасываю прочь тяжёлый камень. Хочется вернуться в настоящее, ухватиться за него, как за спасительную соломинку. Сладкая истома всё ещё разливается по уставшему от одиночества телу, окутывает, словно шёлковый кокон. И снова испуг. Страх возвращается, холодный и липкий, сжимает сердце тисками.

Что я сделала? — внутренний голос звучит и звучит отчаянно. — Как смогла так поступить? Кто этот человек, который позволил себе так обращаться со мной? Забрал мою душу, перекрыл мои помыслы и планы на будущее, заставил страдать и думать только о нём... Кто он? Я же ничего о нём не знаю! Ни прошлого, ни настоящего, ни намерений... О, боже, какая же я наивная дура! Слепая, доверчивая, безрассудная...

Сегодня я как дура соскочила с кровати так резко, что закружилась голова. Подбежала к окну, рывком распахнула створки. Прохладный ветер ворвался в комнату — свежий, резкий, настоящий. Он заиграл тюлем, растрепал волосы, хлестнул по щекам, вернул в действительность, будто окатил ледяной водой. Я глубоко вдохнула, пытаюсь унять дрожь в руках, немного успокоилась и подошла к комоду. Дрожащими пальцами открыла заветную коробку.

В ней покоился высохший бутон белой розы. Удивительно, но он всё ещё хранил лёгкий, едва уловимый сладкий аромат — как призрак былого счастья. И я вновь оказалась там, в том дне, когда меня настигло безумие, безрассудная, всепоглощающая страсть.

Я всем сердцем полюбила аромат белых роз — тех самых, что любимый преподнёс мне в аэропорту. Этот букет я везла из Москвы почти сутки: берегла, как самое драгоценное сокровище, подрезала стебли каждые несколько часов, меняла воду, сыпала в вазу сахар и аспирин, шептала им какие-то глупые, нежные слова. Я делала всё, чтобы продлить их жизнь, чтобы они не увядали.

Долго хранила тот букет. Сухие лепестки осыпались, но я бережно собирала их, складывала в шкатулку. Потом выбрала один бутон — самый красивый, самый стойкий — и положила его в эту коробку. Мама постоянно пыталась выбросить засохший букет: «Ну что

ты держишь эту сухостойку? Выбрось, наконец!» Но я каждый раз успевала его отвоевать, прятала подальше, защищала, как живое существо.

В будущем будут и другие букеты — пышные, ароматные, дорогие. Но этот, первый, останется самым дорогим. Потому что он был началом. Потому что в нём — вся моя любовь: наивная, отчаянная, безоглядная. Потому что этот бутон помнит тот момент, когда мир изменился навсегда...

Глава 8. Наши дни. Гела

Снова и снова читаю дневник Лизы, но это никак не помогает понять героиню нового романа — она оставалась для меня загадкой. Я переписывала главы, перестраивала сюжетные линии, искала другой фон для событий, но ни один вариант не устраивал. Сама манера повествования казалась какой-то фальшивой. Структура рассказа, его ритм и тон вызывали у меня раздражение.

Жизнь Лизы казалась странной, почти нереальной — будто не жизнь вовсе, а отчаянная попытка пронестись по ней ради нескольких мгновений, которые она считала по-настоящему счастливыми. Лиза словно витала надо всем, что происходило с ней в реальности, — будто наблюдала за собственной судьбой со стороны, не участвуя в ней.

Я пыталась провести параллель между Лизой и собой. Мы жили в одном городе, ходили по одним улицам, даже на рынке работали в одно время. Возможно, наши прилавки стояли рядом, а может, мы и вовсе когда-то перекидывались парой слов. Но между нами лежала пропасть — в восприятии мира, в отношении к жизни, в самой сути нашего существования.

Шли годы Нет, это неправда. Они не шли размеренным шагом, как положено времени, — они мчались, словно стаи птиц, опаздывающих на юг. Всё уже свершилось, произошло, отзвучало, оставив после себя лишь эхо воспоминаний. Требовалось подвести итоги, успокоиться и принять то, что нельзя изменить.

Всю жизнь мы разбрасываем камни и камешки — совершаем поступки и проступки, строим и разрушаем, надеемся и разочаровываемся. Но рано или поздно наступает пора собирать их: анализировать прожитое, переоценивать ценности, приводить в порядок мысли и дела.

Будущее рождается из прошлого. Мы творим его, не ведая, чем отзовутся наши поступки, желания и решения, подобно писателю, выводящему черновик, который, сам того не осознавая, превращает его в неповторимое произведение.

Будущее — не прямая, раскатанная дорога, а запутанный лабиринт, где каждый шаг, каждый выбор неумовимо изменяет путь, уводя в неведомые дебри. Каждая уходящая минута становится достоянием прошлого, а каждая грядущая может вихрем ворваться, перекроив планы и мечты. Последствия совершённых деяний, словно тени, могут настигнуть спустя годы, когда исправить ошибки станет невозможно. Ибо нет работы над ошибками, есть лишь неизбежная расплата или долгожданная награда.

Вчитываюсь в откровенные строки дневника Лизы, пытаюсь понять её, представить, какой она была в обычной жизни — в разговорах с близкими, с Николаем, что так и остался верным спутником. Шаг за шагом словно проживаю вместе с Лизой её дни, перечитывая страницу за страницей. И всякий раз меня терзают сомнения: правильно ли я поступаю, вторгаясь в жизнь незнакомого человека, читая сокровенные мысли и переживания, решая, о чём стоит рассказать в романе, а что лучше оставить нетронутым.

Семья Лизы давно обосновалась в северной столице. После смерти родителей они с мужем переехали ближе к дочери. Дочь окончила институт, вышла замуж, родила малыша — и, конечно, понадобилась помощь бабушки с дедушкой.

Лиза с радостью нянчила внучку: сочиняла волшебные сказки, гуляла с коляской в парке, рассказывала про звёзды и облака, про далёкие страны и волшебных существ. В эти моменты её глаза светились особым светом — тем, что появляется, когда человек чувствует себя по-настоящему нужным.

Николай же больше времени проводил на даче — выращивал овощи, копался в земле, наслаждался тишиной и покоем. В его простых заботах было что-то умиротворяющее, почти медитативное.

Лизу интересовали только цветы. В её маленьком райском уголке, в розарии, царили белые розы — их было больше всего. Они напоминали ей те огромные букеты, которые когда-то дарил Генри. Впервые он подарил розы в 1986 году — в то время, когда достать их в нашей стране было почти невозможно. И она до сих пор помнила каждый цветок из того удивительного букета: их безупречные лепестки, тонкий аромат, ощущение чуда, которое они привнесли в её жизнь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.